

Стенин И. А.

СИНТАКСИС КАУЗАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ В НЕНЕЦКИХ ЯЗЫКАХ

В статье анализируется аргументная структура каузативных глаголов в тундровом и лесном ненецких языках. Основное внимание уделяется оформлению исходного подлежащего некаузативной конструкции. Изменения синтаксического статуса аргументов предиката, происходящие при каузативизации, в целом ожидаемы и соответствуют обобщению Б. Комри, известному как «paradigm case», согласно которому исходное подлежащее смещается в ближайшую свободную позицию на иерархии синтаксических отношений. Интерес представляет базовый ингестивный глагол ('съесть'), который является в ненецких языках переходным и не допускает опущения прямого дополнения. Тем не менее его каузативизация происходит по непереходному сценарию, что позволяет увидеть его непрототипическую семантическую переходность. Приводятся также краткие замечания о синтаксисе аналитической каузативной конструкции.

Ключевые слова: тундровый ненецкий язык, лесной ненецкий язык, каузатив, аргументная структура, ингестивные глаголы.

1. Введение¹

В статье описываются изменения аргументной структуры исходного предиката, вызванные каузативизацией, в тундровом и лесном ненецких языках. Каузативизация понимается как «операция добавления к событийной структуре подсобытия деятельности» (Татевосов, 2010: 205). Поскольку при этом происходит добавление также нового внешнего агентивного участника (каузатора), заслуживает внимания вопрос, каким образом оформляются исходное подлежащее и прямое дополнение некаузативной конструкции.

Тундровый и лесной ненецкий являются близкородственными языками, относящимися к самодийской группе уральской семьи. В данных языках каузатив образуется с помощью значительного числа показателей, которые можно с некоторой долей условности свести к следующим четырем (варианты, характерные для тундрового ненецкого, приведены в морфологической записи): -RƏPTA-, -PTA- (-PTyE-), -TA- (-TyE-), -RA- (-RyE-).

2. Каузативизация непереходных предикатов

При каузативизации одноместного непереходного предиката в тундровом² ненецком происходят понятные и ожидаемые морфосинтаксические изменения: в индикативе подлежащее исходной конструкции становится прямым дополнением и по умолчанию маркируется аккумулятивом, независимо от того, является ли вершиной именной группы существительное (1) или личное местоимение³, а в побудительных наклонениях⁴ (императиве, гортативе, юссиве) – аккумулятивом, если это личное местоимение, и, как правило, номинативом (2) в остальных случаях (так же ведут себя прямые дополнения любых переходных глаголов).

¹ Исследование выполнено за счёт средств гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02081) в МГУ имени М. В. Ломоносова.

² С некоторым оговорками это же можно утверждать и относительно лесного ненецкого языка.

³ Личные местоимения в ненецких и энецких диалектах имеют особую супплетивную основу аккумулятива (которая в тундровом ненецком выглядит как *suŋq-*), к которой присоединяется посессивный показатель, указывающий на лицо и число.

⁴ Исключением является прохибитивная конструкция, в которой специальная основа отрицательного глагола *луо-* присоединяет лично-числовые показатели индикатива и прямые дополнения оформляются аккумулятивом.

(1) *hasawa* *ɲəsyeki*^o *salaba-m* *nyí-da* *xolka-bta-q*
 ТН⁵ мужчина ребёнок лёд-ACC NEG.GFS-3SG.O растаять-CAUS-CN
 ‘Мальчик лёд не растопил’.

(2) *pyena-r*^o *nyul^om-ta-d^o!*
 ТН камус-POSS.2SG смягчиться-CAUS-IMP.2SG.O
 ‘Камус⁶ размягчи!’.

Каузативизация двухместных непереходных глаголов в общем случае осуществляется так же, как каузативизация одноместных глаголов, т. е. подлежащее становится прямым дополнением, статус непрямого / косвенного дополнения не затрагивается. Ср. глагол *təwə-* ‘достичь, добраться <кто: NOM; куда: DAT>’⁷ в тундровом ненецком, при котором участник с ролью цели выражен именной или послеложной группой (например, с послелогоми *nyu-* ‘около’, *xəw^o-* ‘сторона’) в дативе (3), хотя он может опускаться. При каузативизации участник с ролью цели сохраняет своё падежное оформление (4).

(3) *xər^odə-n^oh* *təwiə-naq*
 ТН посёлок-DAT достичь.SFS-1PL.R
 ‘Мы доехали до посёлка’.

(4) *xa-ɲkur-ta* *nyu-waq*
 ТН умереть-ITER.FREQ-PT.IPFV товарищ-POSS.1PL
lyekarə-n^oh *təw^o-ra-^o-wacy^o*
 врач-DAT достичь-CAUS-GFS-1PL.S.PST
 ‘Больного товарища мы ко врачу привели’.

Двухместными непереходными в большинстве случаев являются экспериенциальные предикаты. Ср. глагол *pun^ora- / pin^ora-* ‘поверить’ (вариант с *i* распространён в крайне-восточных говорах) в (5) и каузатив от него в (6), где стимул, как и в исходной конструкции, получает дативное маркирование, а каузируемый (исходно экспериенцер) – аккузативное.

(5) *nyaa-nt^o* *pun^ore-y^o-q*
 ТН около.DAT-OBL.POSS.2SG поверить-SFS-3SG.R
 ‘Он тебе поверил’ (Терещенко 1965: 489).

(6) *nye* *nyú-nta* *to-wa-n^oh*
 ТН женщина ребёнок-GEN.POSS3SG прийти-NMLZ.IPFV-DAT
wany^oka-m *pin^ora-bta-ə-w^o*
 В.-ACC поверить-CAUS-GFS-1SG.O
 ‘Я уверил Ваньку в приезде его дочери’.

Ряд информантов тем не менее допускает оформление каузируемого участника дативом, а стимула – аккузативом. Различий в интерпретации между (6) и (7) не отмечено. Специально такие альтернативы, однако, не изучались.

(7) *nye* *nyú-nta* *to-wa-m*
 ТН женщина ребёнок-GEN.POSS.3SG прийти-NMLZ.IPFV-ACC
wany^oka-n^oh *pin^ora-bta-ə-w^o*
 В.-DAT поверить-CAUS-GFS-1SG.O
 ‘Я уверил Ваньку в приезде его дочери’.

⁵ Сокращения при примерах: ТН – тундровый ненецкий, ЛН – лесной ненецкий язык, Нг – нганасанский. Примеры без ссылок получены в ходе полевой работы с носителями тундрового ненецкого в с. Антипаюта и с. Гыда Тазовского района ЯНАО, носителями лесного ненецкого в с. Халясавэй Пуровского района ЯНАО и носителями нганасанского языка в г. Дудинка Таймырского муниципального района Красноярского края. Примеры из ненецких языков приводятся в фонологической транскрипции Т. Салминена.

⁶ Камус – шкура с нижней части ног оленя, с очень жёстким волосом, идущая, в частности, на подошву обуви.

⁷ Для этого глагола в словаре (Терещенко, 1965: 685) отмечается также переходная диатеза ‘догнать, достичь <кто: NOM; кого/что: ACC>’, однако обычно он употребляется как непереходный.

Более того, от глагола *pun^ora-* фиксируется ещё один каузатив, имеющий, во-первых, такую же модель управления, как в примере (6), а во-вторых, другую, в которой стимул получает локативное маркирование (8). Полностью исключать в таких случаях русское влияние, наверно, нельзя.

- (8) *nya-mt^o* *tyike-xəna* *pun^ora-l-ta-ə-w^o*
 ТН товарищ-ACC.POSS.2SG этот-LOC поверить-INCH⁸-CAUS-GFS-1SG.O
 ‘Я убедил в этом твоего товарища’ (Терещенко, 1965: 489).

3. Каузативизация переходных предикатов

При каузативизации переходного глагола исходное подлежащее становится косвенным дополнением и оформляется дативом, а исходное прямое дополнение сохраняет свой падеж. Это касается как каузативов от экспериенциальных (9), так и каузативов от агентивных (10) переходных глаголов.

- (9) Сыра' ноб" илебей учёнойва" Олег Прокопьевич Сюгней нердена научной манзяамда няна" манэ"лабтась («Няръяна нэрм», 4405).

- tənc^oya-mta* *nya^o-naq* *təneq-ləbta-ə-sy^o*
 ТН работа-ACC.POSS.3SG около.DAT-OBL.POSS.1PL увидеть-CAUS-GFS.3SG.S-PST
 (Зимой один наш молодой учёный Олег Прокопьевич Сюгней) ‘свою первую (научную) работу нам представил’.

- (10) *xa-ŋkur-ta* *nya-waq*
 ТН умереть-ITER.FREQ-PT.IPFV товарищ-(ACC.)POSS.1PL

lyekarə-n^oh *nyəqm^o-rəbta-^o-waq*
 врач-DAT схватить-CAUS-GFS-1PL.S

‘Больного товарища мы привели к врачу’ (насиленно, против его желания).

Для последнего каузатива в тундровом ненецком зафиксирована и другая модель управления. Ср. пример (11), в котором второй участник исходного глагола выражен не аккузативом, а локативом/инструменталисом. Возможно, так происходит потому, что бумага выступает здесь уже не как тема, а как средство. Представление о подобных альтернативах, не получающих специального морфологического маркирования в глагольной словоформе, можно получить из § 4.

- (11) *pad^or-kəna* *nyəqm^o-rəbta-^o-doh*
 ТН бумага-LOC схватить-CAUS-GFS-3PL.O
 ‘Его снабдили бумагой’ (Терещенко, 1965: 363).

4. Каузативизация ингестивных предикатов

В ненецких (и в целом северносамодийских) языках базовый ингестивный⁹ глагол ‘съесть’ является перфективным и с синтаксической точки зрения регулярным переходным глаголом, не допускающим опущения прямого дополнения (для обозначения процесса поглощения используется другой, производный имперфективный глагол). При каузативизации он тем не менее ведёт себя особым образом: исходное подлежащее становится прямым дополнением, а исходное прямое дополнение – косвенным дополнением в локативе (12), которое может поверхностно не

⁸ Каузатив присоединяется к основе, обозначающей вхождение в состояние, с помощью показателя инхоатива. Во всех остальных случаях в тундровом ненецком инхоатив модифицирует имперфективную основу. Пожалуй, это чуть ли не единственный случай, когда можно признать существование отдельного показателя *-lta-*.

⁹ Ингестивные (в узком понимании) – это такие глаголы, которые обозначают потребление пищи и жидкости. Впервые термин появляется в работе (Masica, 1976), где это понятие характеризует любые глаголы, описывающие “taking something into the body or mind (literally or figuratively)” (ibid.: 46) (т. е. ингестивные в широком смысле).

выражаться. Такое маркирование аргументов каузатива может, по-видимому, свидетельствовать о непрототипической переходности исходного глагола в тундровом и лесном ненецком.

(12) *nyû-j-iq* (*wiji-xâna*) *ŋâm-ла-ŋа-mâ-sy*^o
ЛН ребёнок-ACC.POSS.1NPL-EMPH уха-LOC съесть-CAUS-GFS-1SG.O-PST
'Я накормила ребёнка ухой'.

(13) ??*wiji-m* *nyû-xâ-j*^o *ŋâm-ла-ŋа-mâ-sy*^o
ЛН уха-ACC ребёнок-DAT-POSS.1NPL съесть-CAUS-GFS-1SG.O-PST
Ожидаемое значение: 'Я накормила ребёнка ухой'.

Во многих других языках поведение ингестивных глаголов также весьма уникально по сравнению с поведением остальных переходных глаголов (см. в первую очередь (Næss, 2007: 52ff.; Næss, 2009) о типологии; (Aikhenvald, 2009) о глаголе с общим значением потребления в манамбу (< нду < сепик, Папуа-Новая Гвинея); (Чуйкова, 2016) о русском). Как отмечалось в работах этих и других исследователей, основной семантической особенностью ингестивных глаголов, отвечающей за их своеобразное поведение, является то, что они описывают изменение свойств субъекта (т. е., очень сильно огрубляя, можно сказать, что ингестивные глаголы нужны, чтобы реферировать к насыщению агенса, а не к уничтожению пациенса)¹⁰; ср. в этой связи понятие *affected Agent* в (Næss, 2007)¹¹.

В то же время в ненецких языках существует возможность каузативизации глагола 'съесть'¹² по переходному сценарию, но только при неличном одушевлённом каузируемом (15). Дериват получает в этом случае значение, близкое к значению русского глагола *скормить*.

(14) *wejaqko-j-iq* (*kaŋya-xâna*) *ŋâm-ла-ŋа-mâ-sy*^o
ЛН собака-ACC.POSS.1NPL-EMPH рыба-LOC съесть-CAUS-GFS-1SG.O-PST
'Я накормила собаку рыбой'.

(15) *xaŋi-pi* *kaŋya-m* *wejaqko-xâ-j*^o
ЛН испортиться-PT.PASS рыба-ACC собака-DAT-POSS.1NPL
ŋâm-ла-ŋа-mâ-sy^o
съесть-CAUS-GFS-1SG.O-PST
'Я скормила гнилую рыбу собаке'.

Существование подобных вариативных моделей управления для каузативов от ингестивных глаголов, акцентирующих внимание либо на эффектах, производимых на каузируемого участника, либо на эффектах, производимых на исходную тему, отмечается и для других языков. Так, в (Arkadiev, Rakerys, 2015) относительно соответствующих литовских каузативов (16)–(17) говорится, что наличие двух диатез является ожидаемым, поскольку и сами ингестивные глаголы допускают два возможных варианта рассмотрения ситуации поглощения: один, связанный с профилированием эффекта на Р-участнике, и другой, связанный с профилированием эффекта на А-участнике.

¹⁰ Другой подход представлен в (Amberber, 2009), где ингестивные предикаты объявляются дитранзитивными на уровне «концептуальной структуры» (с агенсом, пациенсом / темой и целью), а их особое поведение объясняется тем, что участники с ролью агенса и цели коиндексированы.

¹¹ Первой работой, в которой эксплицитно утверждалось, что не все агенты ведут себя единообразно, и вводилось омонимичное, но содержательно не совсем идентичное понятие, была по-видимому (Saksena, 1980).

¹² Говорить о переходном ингестивном глаголе *ŋer-* (ТН) / *ŋel-* (ЛН) 'выпить', сочетающимся с разными типами жидкости, несколько сложнее, потому что обычно ненцы используют непереходные глаголы с более конкретным значением, например, 'пить чай', 'пить воду', 'есть суп, уху', каузативизация которых ожидаемым образом происходит по непереходному сценарию. При каузативе от глагола 'выпить', как и при каузативе от глагола 'съесть', аргументы маркируются особым образом: исходное подлежащее становится прямым дополнением, исходное прямое дополнение – косвенным дополнением в локативе. Однако у нас отсутствуют данные о допустимости примеров, эквивалентных предложениям (13) и (15).

- (16) ЛИТОВСКИЙ
Les-in-ki-me *paukšt-eli-us* *saus-u* *maist-u*.
 peck-CAUS-IMP-1PL bird-DIM-ACC.PL dry-INS.SG.M food-INS.SG
 ‘Let’s feed birds with dry food’ (Arkadiev & Pakerys, 2015: 71).
- (17) *Pus-ę* *par-os* *davini-o* *les-in-a-me*
 half-ACC.SG day-GEN.SG ration-GEN.SG peck-CAUS-PRS-1PL
saus-u *pavida[l]-u...*
 dry-INS.SG.M form-INS.SG
 ‘Half of the day’s ration is given dry (lit. is had pecked)’ (ibid.).

Однако, как уже говорилось, в северносамодийских языках базовый ингестивный глагол ‘съесть’ является переходным и не допускает опущения прямого дополнения. Таким образом, в этих языках именно каузативизация ингестивных глаголов позволяет увидеть непрототипическую природу их семантической переходности.

Вариативные модели управления каузативных дериватов от ингестивных глаголов отмечались и для ряда других языков, в частности, финского (18)–(19).

- (18) ФИНСКИЙ
Henkilö *syö-tt-i* *lapse-n* *(puuro-lla)*.
 person.NOM.SG eat-CAUS-PST.3SG child-GEN.SG porridge-ADE.SG
 ‘A person fed the child (with porridge)’ (Kittilä, 2009: 77).
- (19) *Henkilö* *syö-tt-i* *puuro-n* *lapse-lle*.
 person.NOM.SG eat-CAUS-PST.3SG porridge-GEN.SG child-ALL.SG
 ‘A person fed the porridge to the child’ (ibid.).

Примечательно, однако, что ни для литовского, ни для финского не фиксировались ограничения на каузативы от ингестивных глаголов, связанные с одушевлённостью / личностью каузируемого участника.

В нганасанском языке, входящем, как и ненецкие, в самодийскую группу, каузатив от *ηəm-* ‘съесть’ – *ηəmə-btu-* – допускает лишь такую диатезу, при которой в позиции прямого дополнения находится исходный агенс, а именная группа, обозначающая поглощаемую субстанцию, оформляется локативом, независимо от того, является ли исходный агенс человеком (20) или животным (21).

- (20) *maša* *ηəmə-bta-ʔa* *was’a(-m)* *biʔə-təni*
 Нг М. съесть-CAUS-PF.3SG.S В.(-ACC) суп-LOC
 ‘Маша накормила Васю супом’.
- (21) *n’emī-mə* *bən’d’ə-j* *banə-j* *ηəmə-bta-ʔa*
 Нг мать-POSS.1SG весь-ACC.PL собака-ACC.PL съесть-CAUS-PF.3SG.S
t’iiniʔa *koli-təni*
 гнилой рыба-LOC
 ‘Мать всех собак накормила гнилой рыбой’.

Данный каузативный глагол не может иметь диатезу, характерную для каузативных дериватов от переходных глаголов (22). Отличия от тундрового и лесного ненецкого могут, по видимому, быть связаны с тем, что в нганасанском каузатив от глагола *ηəm-* ‘съесть’ образован с помощью другого показателя, однако этот вопрос нуждается в дополнительном изучении.

- (22) **n’emī-mə* *bən’d’ə-j* *koli-j*
 Нг мать-POSS.1SG весь-ACC.PL рыба-ACC.PL
ηəmə-bta-ʔa *ban-tiʔ*
 съесть-CAUS-PF.3SG.S собака-LAT.PL

Ожидаемое значение: ‘Мать скормила всю рыбу собакам’.

Подобная диатеза существует только у каузативного глагола, образованного от пассивного деривата от глагола *ηəm-* ‘съесть’; ср. сам пассив (23) и каузатив (24) от него. Однако

семантика предиката в (24) не идентична семантике предиката в примере (15) из лесного ненецкого. Ситуация в (24) является примером неинтенциональной пермиссивной каузации (~ ‘допустить то, что’).

(23) ...tə hel'ia kai-təə ŋüa-raa-ðu
 Нг ну обратный сторона-ADJ.LOC лопатка-LIM-POSS.3SG

ŋəm-lu-bata-ða...

съесть-PASS-INFER-3SG.R

(Огромный с голыми рогами бык (мёртвый уже)), ‘только с одной стороны лопатка съедена’ (K-03_brothers, 123¹³).

(24) bən'd'ə-j kola-n'ə
 Нг весь-ACC.PL рыба-(ACC.)PL.POSS.1SG

ŋəm-lu-bta-ʔa-ŋ

ban-tiʔ

съесть-PASS-CAUS-PF-2SG.S

собака-LAT.PL

‘Ты всю мою рыбу скормила собакам!’ (Почему ты не проследила?).

5. Типология маркирования аргументов переходного предиката при каузативизации и данные тундрового ненецкого языка

В статье (Dixon 2000) называется пять основных возможностей маркирования участников исходной переходной клаузы при образовании каузатива.

Типы маркирования участников исходной переходной клаузы при каузативизации
 (адаптировано из (Dixon, 2000: 48))

Тип	Каузатор	Исходный А-участник	Исходный О-участник
1	A	специальное маркирование	О
2	A	сохраняет А-маркирование	О
3	A	имеет O ¹⁴ -маркирование	имеет О-маркирование
4	A	О	неядерное маркирование
5	A	неядерное маркирование	О

В различных языках может использоваться одна или несколько стратегий синтаксического оформления А- и О-участников исходной переходной конструкции при каузативизации. В тундровом ненецком, данные которого в этом аспекте, как и во многих других, наиболее полные среди всех северносамодийских, для переходных экспериенциальных и агентивных глаголов основной при каузативизации является стратегия пятого типа по Р. Диксону, в редких случаях фиксируется также стратегия четвёртого типа, как в примере (11) выше, где каузируемый индексирован в глаголе с помощью субъектно-объектного спряжения). Для ингестивного глагола ‘есть’ базовой является четвёртая стратегия, однако пятая стратегия также возможна с некоторыми ограничениями.

Стратегии первого, второго и третьего типа в тундровом ненецком недоступны. При этом стратегия первого типа вообще весьма редко встречается в языках мира. В (Dixon, 2000) в качестве примера такого языка упоминается нивхский, в котором, по словам Р. Диксона, отсутствует падежное маркирование S-, A-, O-участников и непрямого дополнения, однако присутствует специальный показатель *-ax* (sic!) для обозначения одушевлённого каузируемого

¹³ Пример из Корпуса фольклорных текстов на нганасанском языке, созданного под руководством В. Ю. Гусева.

¹⁴ При третьей стратегии исходные А- и О-участники получают одинаковое поверхностное оформление, соответствующее типичному оформлению О-участника, но, как правило, лишь одна из двух именных групп является настоящим прямым дополнением. В ряде случаев, однако, существующие синтаксические диагностики (пассивизация, релятивизация и пр.) не позволяют ничего сказать о различиях в их статусе.

участника в каузативной конструкции, в общем случае факультативный, однако обязательный, если в клаузе уже есть три падежно не оформленных именных группы. В недавнем подробном исследовании нивхского синтаксиса (Nedjalkov & Otaina, 2013) сообщается, что показатель *-ax / -x* действительно используется в основном для факультативного маркирования одушевлённого каузируемого участника (солнце и сверкающая кальдера (shining cauldron) – исключения) в каузативной конструкции, однако встречается также в нескольких конструкциях косвенной речи и ещё в одной специальной конструкции (ibid.: 51–52).

Второй пример, который Р. Диксон приводит на первую стратегию, – это случай телугу, на первый взгляд выглядящий несколько более чистым. В телугу (< дравидийские, штат Андхра-Прадеш, Индия) при каузативизации переходного глагола оформление исходного О-участника остаётся неизменным, а исходный А-участник оформляется специальным послелогом *ceeta*, представляющий собой результат грамматикализации инструментальной формы существительного *seevi* ‘рука’. Р. Диксон отмечает, что при каузативизации непереходного глагола исходное подлежащее может оформляться либо аккумулятивом, либо также с помощью послелога *ceeta*, что коррелирует с наличием промежуточных причин в каузальной цепочке, связывающей деятельность агенса и изменение состояния пациенса (т. е. соответствует разнице между контактной и дистантной интерпретациями).

Схожий путь грамматикализации для показателя каузируемого фиксируется и в мокшанском языке. При каузативизации непереходного глагола исходное подлежащее получает оформление, свойственное О-участнику, тогда как при каузативизации переходного глагола исходное прямое дополнение сохраняет своё оформление, а исходный А-участник выражается послеложной группой с послелогом *kectə*¹⁵ (результат грамматикализации элативной формы существительного *ked'* ‘рука’). В случае мокшанского стратегия первого типа по Р. Диксону оказывается на самом деле подтипом пятой стратегии, поскольку каузируемый участник является адьюнктом и может быть всегда опущен.

Незасвидетельствованность в тундровом ненецком второй и третьей стратегий коррелирует, на первый взгляд, с общим стремлением этого языка избегать дублирования ядерных падежей в пределах клаузы. Прямое дополнение может маркироваться номинативом только, если нет другой именной группы в номинативе, соответствующей подлежащему. Как отмечалось в (Nikolaeva, 2014: 220–221), двойной аккумулятив в тундровом ненецком возможен только в одной специальной конструкции с топикализацией пациенса (25) и лишь одна из двух именных групп в аккумулятиве на самом деле является прямым дополнением.

- (25) *wera-m* *nya-da* *syita*
 TH В.-АСС товарищ-POSS.3SG PRON.ACC.POSS.3SG
lad^o-ə-sy^o / **lad^o-da-ə-s^o*
 ударить-GFS.3SG.S-PST ударить-3SG.O-GFS-PST
 ‘Друг Вэры ударил его’ (когда-то в прошлом) (Nikolaeva, 2014: 220).
 (Перевод И. А. Николаевой: ‘Yesterday Wera’s friend hit him’.)¹⁶

¹⁵ В мокшанском языке (в говорах с. Лесное Цибаево, с. Лесное Ардашево, д. Лесные Сиялы) сфера употребления этого послелога, однако, выходит за рамки каузативной конструкции: он может оформлять исходного посессора при глаголах типа ‘взять’, ‘просить’, а также – по крайней мере при некоторых глаголах – кодировать агентивного участника в конструкции с результативным причастием.

¹⁶ По словам И. А. Николаевой, первая именная группа в аккумулятиве является результатом выноса (“is a dislocated element”), а её поверхностное падежное оформление свидетельствует о синтаксической роли соответствующего аргумента глагола. Настоящим прямым дополнением является лишь личное местоимение, что подтверждается невозможностью объектного согласования в глагольной словоформе. Более того, никакие перестановки порядка слов невозможны в таком случае: местоимение обязано следовать за вынесенной именной группой в аккумулятиве. Данная конструкция обязательна тогда, когда прямое дополнение, выраженное личным местоимением третьего лица, кореферентно с посессором подлежащего, и невозможна в остальных случаях (Nikolaeva, 2014: 221).

Сказанное выше, разумеется, не относится к аналитическим каузативным конструкциям. Аналитически (перифрастически) каузатив может быть выражен в тундровом ненецком в конструкции объектного контроля с глаголом *tabada-* / *tabyeda-* ‘1) указать; 2) приказать, велеть, распорядиться, потребовать; 3) разрешить, позволить; 4) посоветовать’ (Терещенко, 1965: 609). Каузируемый участник оформляется либо аккузативом (26) – и в таком случае в предложении две именные группы в аккузативе, которые тем не менее принадлежат разным клаузам, – либо дативом (27).

(26) *lúca+núe* *syiq-myih*
 TH¹⁷ русский+женщина PRON.ACC-POSS.1NPL
 [*knyiga-m* *tola-°*] *tabada-°*
 книга-ACC прочитать-CVB велеть-GFS.3SG.S
 ‘Учительница заставила меня прочитать книгу’.

(27) *məny°* *hasawa* *nyú-x°-nyih*
 TH я мужчина ребёнок-DAT.POSS-OBL.POSS.1NPL
 [*tyuku°* *knyiga-m* *tola-wəncy°*] *tabyeda-ə-w°*
 этот книга-ACC прочитать-SUP велеть-GFS-1SG.O
 ‘Я велела сыну прочитать эту книгу’.

И. А. Николаева приписывает первой конструкции принудительное (coercive) значение, а второй – «скорее пермиссивное» (“rather permissive”) (Nikolaeva, 2014: 354). Как кажется, различия между двумя вариантами заключаются прежде всего в принудительности vs. непринудительности каузации. Соответственно, и переводят первую конструкцию (с аккузативом в главной клаузе) информанты обычно с помощью русских глаголов *заставить*, *приказать*, тогда как вторую (с дативом в главной клаузе) – *велеть*, *попросить*.

Стоит отметить, что при образовании морфологического каузатива различная семантика каузации (фактитивная vs. пермиссивная или принудительная vs. непринудительная), если рассматривать отдельно каузативизацию непереходных, ингестивных, переходных агентивных и переходных экспериенциальных предикатов, не находит непосредственного отражения в морфосинтаксическом оформлении аргументов. Ср., например, с ситуацией в японском языке, где эта возможность имеется по крайней мере в одном случае. При образовании т. н. морфологического¹⁸ (но не т. н. лексического!) каузатива от одноместного глагола в японском исходное подлежащее может оформляться либо аккузативом (28), либо дативом (29). При этом в первом случае каузативная конструкция имеет фактитивное значение, а во втором – пермиссивное.

(28) ЯПОНСКИЙ
taroo ga hanako o aruk-ase-ta
 Таро NOM Ханакo ACC идти-CAUS-PST
 ‘Таро заставил Ханакo идти’ (Tsuji-mura, 1996: 247) (цит. по (Алпатов, Аркадьев, Подлесская, 2008 (Книга II): 143).

(29) *taroo ga hanako ni aruk-ase-ta*
 Таро NOM Ханакo DAT идти-CAUS-PST
 ‘Таро разрешил Ханакo идти’ (ibid.).

¹⁷ Данный пример иллюстрирует говор с. Белоярск Приуральского района ЯНАО.

¹⁸ В традиции описания японских каузативных конструкций морфологическим каузативом называют лишь такой, который образован при помощи продуктивного аффикса *-(s)ase-*. Все остальные каузативы, образуемые морфологическим, но идиосинкратическим способом, именуются лексическими.

6. Заключение

Разумеется, сказанное выше даже для тундрового ненецкого является лишь абрисом описания и многие из упомянутых стратегий оформления участников каузативной конструкции нуждаются в дополнительном глубоком изучении. Однако самые базовые закономерности синтаксиса каузативных конструкций, проиллюстрированные материалом тундрового и отчасти лесного ненецкого, могут быть легко экстраполированы и на другие северносамодийские языки: при каузативизации непереходного одноместного глагола исходное подлежащее, как правило, переходит в позицию прямого дополнения; при каузативизации переходного агентивного – как правило, в позицию непрямого дополнения (и оформляется дативом / лативом¹⁹). Можно сказать, что в данном аспекте материал северносамодийских языков неплохо укладывается даже в прокрустово ложе²⁰ знаменитого принципа Б. Комри, названного в (Comrie, 1976) «paradigm case» и предполагающего, что при каузативизации исходное подлежащее (т. е. каузируемый участник) смещается в ближайшую свободную позицию ниже на иерархии синтаксических отношений / доступности именных групп: Sub > DO > IO > Obl²¹.

Сокращения в глоссах

1 – первое лицо, 2 – второе лицо, 3 – третье лицо, ACC – аккузатив, ADE – адессив, ADJ.LOC – странственное прилагательное, ALL – аллатив, CAUS – каузатив, CN – коннегатив, DAT – датив, DIM – диминутив, EMPH – эмфатическая частица, FREQ – фреквентатив, GEN – генитив, GFS – общая финитная основа, IMP – императив, INFER – инферентив, INS – инструменталис, IPFV – имперфектив, ITER – итератив, LAT – латив, LIM – лимитатив, LOC – локатив, M – мужской род, NEG – отрицательный глагол, NMLZ – номинализация, NOM – номинатив, NPL – не-множественное число, O – объектная согласовательная серия, OBL – косвенная серия посессивных показателей, PASS – пассив, PF – перфект, PL – множественное число, POSS – посессивность, PRON – основа личного местоимения, PRS – настоящее время, PST – прошедшее время, PT – причастие, R – рефлексивная согласовательная серия, SFS – специальная финитная основа, S – субъектная согласовательная серия, SG – единственное число, SUP – супин.

Список литературы

- Аппатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. В 2-х кн. Кн. 2. – М.: Наталис, 2008.
- Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике: дис. ... д. ф. н. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010.
- Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. – М.: Наука, 1965.
- Чуйкова О. Ю. «Ингестивные» глаголы в русском языке: некоторые наблюдения // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. – Т. XII, ч. 1: Исследования по типологии и грамматике / Отв. ред. Д. В. Герасимов. – СПб.: Наука, 2016. – С. 251–263.
- Aikhenvald A. Y. 'Eating', 'drinking' and 'smoking': A generic verb and its semantics in Manambu / J. Newman (ed.). The linguistics of eating and drinking. – Amsterdam: John Benjamins, 2009. – P. 91–108.
- Amberber M. Quirky alternations of transitivity: The case of ingestive predicates / J. Newman (ed.). The linguistics of eating and drinking. – Amsterdam: John Benjamins, 2009. – P. 45–63.
- Arkadiev P. M., Pakerys J. Lithuanian morphological causatives: A corpus-based study / A. Holvoet, N. Nau (eds.). Voice and argument structure in Baltic. – Amsterdam: John Benjamins, 2015. – P. 39–98.
- Comrie B. The syntax of causative constructions: Cross-language similarities and divergences / M. Shibatani (ed.). The grammar of causative constructions. – New York: Academic Press, 1976. – P. 261–312.

¹⁹ Второй терминологический вариант применяется в описаниях нганасанского и энецких диалектов, хотя семантика данной падежной формы в целом сходна во всех северносамодийских языках.

²⁰ Неуниверсальность этого обобщения (в любых формулировках) давно известна.

²¹ Sub – подлежащее, DO – прямое дополнение, IO – непрямое дополнение, Obl – косвенное дополнение.

- Dixon R. M. W. A typology of causatives: form, syntax and meaning / R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). Changing valency: Case studies in transitivity. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – P. 30–83.
- Kittilä S. Causative morphemes as non-valency increasing devices // Folia Linguistica. 2009. – Vol. 43(1). – P. 67–94.
- Masica C. P. Defining a linguistic area: South Asia. – Chicago: University of Chicago Press, 1976.
- Nedjalkov V. P., Otaina G. A. A syntax of the Nivkh language: The Amur dialect. – Amsterdam: John Benjamins, 2013.
- Nikolaeva I. A grammar of Tundra Nenets. – Berlin: de Gruyter Mouton, 2014.
- Næss Å. Prototypical transitivity. – Amsterdam: John Benjamins, 2007.
- Næss Å. How transitive are EAT and DRINK verbs? / J. Newman (ed.). The linguistics of eating and drinking. – Amsterdam: John Benjamins, 2009. – P. 27–43.
- Saksena A. The affected agent // Language. – 1980. – Vol. 56(4). – P. 812–826.
- Tsujimura N. An introduction to Japanese linguistics. – Oxford: Blackwell, 1996.

Стенин И. А., старший преподаватель.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1, Москва, Россия, 105066.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Россия, 119991.

E-mail: ystein88@gmail.com.

Материал поступил в редакцию 10.11.2016.

Stenin I. A.

SYNTAX OF A CAUSATIVE CONSTRUCTION IN THE NENETS LANGUAGES

The paper concerns argument structure of causative verbs in Tundra Nenets and Forest Nenets. Special attention is paid to marking of the initial subject of a non-causative construction. Changing of syntactic status of predicate's arguments in course of causativization meets expectations and conforms to B. Comrie's generalization known as "paradigm case". According to it, the causee (initial subject) is demoted to the highest free position at the grammatical relations hierarchy. The basic ingestive verb ('eat') is of interest because it is transitive in the Nenets languages and does not admit omission of its direct object. However, it is causativized as if it were intransitive. Short comments on syntax of an analytic causative construction are also made.

Key words: *Tundra Nenets, Forest Nenets, causative, argument structure, ingestive verbs.*

References

- Alpatov V. M., Arkadiev P. M., Podlesskaja V. I. Teoreticheskaja grammatika japonskogo jazyka [Theoretical grammar of Japanese]. – In 2 vol. – M.: Natalis, 2008. – Vol. 2. (In Russian)
- Tatevosov S. G. Akcional'nost' v leksike i grammatike [Actionality in lexicon and grammar]. Doctor of Sciences dissertation. M.: Moscow State University, 2010. (In Russian)
- Tereshchenko N. M. Nenecko-russkij slovar' [Nenets-Russian dictionary]. – M.: Nauka, 1965. (In Russian)
- Chujkova O. Yu. "Ingestivnye" glagoly v russkom jazyke: nekotorye nabljudenija ["Ingestive" verbs in Russian: some observations] // Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. Vol. XII, part 1. Issledovanija po tipologii i grammatike [Studies on typology and grammar] / ed. by D. V. Gerasimov. – Saint Petersburg: Nauka, 2016. – P. 251–263. (In Russian)
- Aikhenvald A. Y. 'Eating', 'drinking' and 'smoking': A generic verb and its semantics in Manambu / J. Newman (ed.). The linguistics of eating and drinking. – Amsterdam: John Benjamins, 2009. – P. 91–108.
- Amberber M. Quirky alternations of transitivity: The case of ingestive predicates / J. Newman (ed.). The linguistics of eating and drinking. – Amsterdam: John Benjamins, 2009. – P. 45–63.
- Arkadiev P. M., Pakerys J. Lithuanian morphological causatives: A corpus-based study / A. Holvoet, N. Nau (eds.). Voice and argument structure in Baltic. – Amsterdam: John Benjamins, 2015. – P. 39–98.

- Comrie B. The syntax of causative constructions: Cross-language similarities and divergences / M. Shibatani (ed.). The grammar of causative constructions. – New York: Academic Press, 1976. – P. 261–312.
- Dixon R. M. W. A typology of causatives: form, syntax and meaning / R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). Changing valency: Case studies in transitivity. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – P. 30–83.
- Kittilä S. Causative morphemes as non-valency increasing devices // *Folia Linguistica*. – 2009. – Vol. 43(1). – P. 67–94.
- Masica C. P. Defining a linguistic area: South Asia. – Chicago: University of Chicago Press, 1976.
- Nedjalkov V. P., Otaina G. A. A syntax of the Nivkh language: The Amur dialect. – Amsterdam: John Benjamins, 2013.
- Nikolaeva I. A grammar of Tundra Nenets. – Berlin: de Gruyter Mouton, 2014.
- Næss Å. Prototypical transitivity. – Amsterdam: John Benjamins, 2007.
- Næss Å. How transitive are eat and drink verbs? / J. Newman (ed.). The linguistics of eating and drinking. – Amsterdam: John Benjamins, 2009. – P. 27–43.
- Saksena A. The affected agent // *Language*. – 1980. – Vol. 56(4). – P. 812–826.
- Tsujimura N. An introduction to Japanese linguistics. – Oxford: Blackwell, 1996.

Stenin I. A.

National Research University Higher School of Economics.

Ul. Staraya Basmannaya, 21/4, building 1, Moscow, Russia, 105066.

Lomonosov Moscow State University.

Leninskie Gory, 1, build. 51, Moscow, Russia, 119991.

E-mail: ystein88@gmail.com